

В тот день

Запыленные машины с пушками на прицепах мчались на запад. По обочинам дороги брели толпы подавленных, деморализованных немцев, пустыми отупевшими взгляда-ми провожавших нескончаемый поток нашей артиллерии и мотопехоты. Дорога бежала по долине рядом с шумной и быстрой горной речушкой. Весеннее солнце было высоко над снежными хребтами гор и лило в долину живительные потоки лучей. Цвели акации, мягкой сочной зеленью переливались луга, над долиной стоял благоухающий аромат весны, терпкий запах преняя и произрастания. Свежий весенний ветер звенел в решетках радиаторов.

Командиры склонялись к планшетам. Красные стрелки маршрутов тянулись к реке, на которой жирная линия означала место встречи с союзниками. Шоферы прибавляли газу, стремясь вперед, к конечному пункту великого маршрута Отечественной войны.

Миновав небольшой австрийский городок, головная машина полковника остановилась. Впереди длинной сплошной колонной вытянулись наши танки, подоспевшие к демаркационной линии раньше артиллерии и пехоты.

К торжественной минуте первой встречи мы опоздали. Наши чумазые друзья-танкисты уже как старые знакомые обнимались с американскими солдатами, похлопывая друг друга, обменивались скромным фронтовым угощением — сладостной солдатской закуркой. Американцы в коротких свободных куртках цвета хаки, в широких шароварах, с неуклюжими пистолетными кобурами на животе, держались свободно, как дети, радовались победе и восхищались героизмом советских солдат. Они осматривали наши пуш-

ки, одобрительно поглаживали броню славных Т-34, взбирались на машины и говорили без конца. Немногие из нас знали их язык, но мы понимали их оживленный говор, их улыбки и восторги. В их устах так же славно звучало великое русское слово «Сталинград», искренне и сердечно слышались разноязыкие поздравления в честь победы.

В те первые минуты нашей встречи не видно было американских офицеров. Только спустя некоторое время на наш вопрос американский солдат небрежно махнул рукой в сторону реки. На том берегу толпы чопорных военных, не отрываясь от биноклей и стереотруб, рассматривали встречу их солдат с теми, кто три года героически боролся с общим врагом, терпеливо дожидаясь, пока они пришлют последние пуговицы на своих мундирах. Они боялись этой встречи: в этом мы убедились в первый же день.

Вскоре возле нашей машины появился старшина Овсов с тремя американскими солдатами. Наше внимание сразу же привлек один из них — рослый широкоплечий негр в измятой суконной форме. Он обеими руками сжимал руку старшины, прикладывал ее к своей широкой груди и говорил что-то, не отрывая больших добрых глаз от торжествующе-радостного лица собеседника. Его спутник — худощавый высокий американец, мешая английские и польские слова, старался подробнее объяснить смысл речи товарища.

— Его зовут Джим. Он негр, очень хотел видеть русских. Он говорит, что для того пошел драться с фашистами. Он слышал о Сталинграде и любит Советский Союз.

Наш старшина любил вникать во все подробности. И на этот раз он не преминул спросить у негра, чем ему особенно нравится Советский Союз. Высокий американец быстро перевел вопрос. Негр понял, радостно закивал головой и, все так же прижимая к груди руку старшины и обнажая яркобелые зубы, произнес с большим акцентом, картаво и торжественно:

— Ленин! — и заговорил быстро, торопясь, как бы опасаясь, что русский собеседник не выслушает до конца его сердечную и искреннюю, полную большого человеческого горя речь. В прекрасных глазах негра отразилось страда-

ние честного человека, темного, обманутого, угнетенного, но живого и жаждущего справедливости и правды. Неподдельная искренность его возбужденной и печальной речи понятно звучала на незнакомом языке, и мы слышали в ней и жалобу, и вопль отчаяния, и надежду быть понятым незнакомыми солдатами великой армии-победительницы.

Вокруг американцев и старшины образовался тесный кружок солдат — танкистов, артиллеристов, пехотинцев. Затаив дыхание, все вслушивались в слова солдата-союзника, то безысходно-тосклиевые, то гневно-грозные.

Высокий американец, с трудом подбиравший полу забытые польские слова, переводил:

— Он негр! Разве это не говорит вам о всем. В полку его не считают полноценным человеком, офицер бьет его сапогами. В Штатах он не имел работы, в армии ему дали оружие и кусок хлеба. А что будет после войны — он не знает, у него нет семьи: негр в Соединенных Штатах не может ее иметь. Он счастлив видеть русских, которые уважают все нации.

А негр говорил. По его черным с бронзовым отливом щекам скатились и застыли на подбородке две скучных мужских слезы. Но вскоре он оправился после первых впечатлений нашего заботливого внимания, голос его зазвучал твердо и гневно. Его спутники стояли рядом с ним и, уронив головы, печально смотрели перед собой. Слетела улыбка радости и с лиц наших солдат. Светлый весенний день великой победы омрачился печалью черного человека, в отчаянии взывающего к справедливости.

— Джим — храбрый солдат. В Руре во время немецкого контрнаступления он с гранатами бросался против немецких танков. Его подвигов умышленно не заметили. Но это чепуха. Он дрался потому, что ненавидел фашизм, а не для похвалы. Но вот недавно наш полковой командир сказал, что после войны с немцами следует передушить негров и красных. Мы возмущены. Все честные солдаты возмущены. Но что могут сделать солдаты, если так говорят сенаторы?..

Негр продолжал свою гневную речь. Вполголоса, часто запинаясь, стараясь подобрать понятные нам славянские

слова, говорил его спутник. По тону его слов не трудно было понять, что он не безразличен к тому, что так волновало его друга, не безучастен к несправедливости.

— Наши политиканы не любят вас, русских. Перед отплытием из Штатов нам говорили, что разгромить немецкую армию должна Красная Армия, а установить «демократию» в Европе — долг американцев. Так наши генералы разделили обязанности в войне. Мы думали: «Нет! Европа не захочет нашей «демократии». Европа уже пережила гибель наций, не угодных фашизму. Она не пожелает видеть травлю загнанных негров. Народы Европы ждут демократии с той стороны, откуда восходит солнце... Им не нужна свобода хищного доллара...».

Это была глубокая и сильная обличительная речь. Мы вспомнили тогда многое, что в этот день вытеснила из памяти всеобъемлющая радость победы: и нечеловечески тяжелые 1941—42 годы, и обидную медлительность открытия второго фронта, и оскорбительное прощупывание наших сил в трудные первые месяцы войны.

Несколько помолчав, солдат-переводчик сказал:

— Джим говорит, что он давно бы погиб, если бы не жаждал видеть русских и сказать им правду...

По краю дороги, с трудом пробираясь в людской массе, медленно двигались два «виллиса». Поровнявшись с нашей машиной, они остановились. Из переднего выпрыгнули двое младших офицеров и грузно выбрался одутловатый толстый майор. Негр умолк. Сдвинув брови, он удивленно смотрел на офицеров, как бы соображая, зачем они тут. Наши солдаты расступились. Толстый майор первым подошел к негру и хриплым голосом пропойцы что-то прокричал. Все трое солдат сняли свои автоматы и отдали приехавшим офицерам. Майор, заикаясь, произнес длительную фразу по-английски, и мы уловили два понятных слова — «коммунисты» и «митинг».

Двое спутников негра молча направились к «виллисам», негр же задержался, взглянул на нашего старшину и, попрыгавши обхватив его плечи своими мощными руками, прильнул губами к звезде ордена Славы на груди. Одут-

ловатый майор удивленно произнес: «О-о!» и схватил негра за плечо куртки с погоном. Но наш старшина мог владеть собой при всяких обстоятельствах и так взглянул в заплывшие глаза майора, что тот, нервно задергав руками, отступил на шаг. Потом старшина обратился к солдату-переводчику, который уже сидел в «виллисе».

— Скажите господину офицеру, что русские солдаты не позволяют трогать негра на этом берегу.

Американец перевел. Майор снова произнес свое удивленное «О-о!» и отошел к «виллису».

Негр крепко пожал руки наших ребят, долгим пристальным взглядом всматриваясь в лицо каждого, стараясь на долго сохранить в памяти образы русских солдат, о встрече с которыми так страстно мечтал он, этот человек из-за океана.

«Виллисы» умчались. В бинокли мы следили за удаляющимися машинами американцев. Толстый майор не нарушил предупреждения нашего старшины: на этом берегу он не тронул арестованного негра. Но мы видели, как «виллисы» остановились на середине моста, как майор подозревал негра и ударил его по лицу его же боевым автоматом.

Мы запомнили эту весеннюю встречу с двуликим миром — миром честных угнетенных тружеников и миром plutokратов-реакционеров.

[1949 г.]